

Е.Н. Пономаренко

Полусонеты полуамериканца (септеты в строфическом репертуаре Г.В. Голохвастова)

Аннотация: в статье рассматривается жанрово-строфический потенциал полусонетов Г.В. Голохвастова – поэта-эмигранта, в силу исторических катаклизмов начала XX в. оказавшегося в Нью-Йорке. На материале творчества Г.В. Голохвастова исследуются формальные и содержательные особенности полусонета, а также возможные отклонения и поэтические эксперименты, призванные разнообразить канон и проверить его на «прочность». Прослеживается генезис и развитие жанровой формы: от единичных поэтических опытов до жанрово-строфических единств (двойчаток, сюит, венков полусонетов).

Ключевые слова: Г.В. Голохвастов, русские «американцы», первая волна эмиграции, полусонет, сюита, венки полусонетов, строфика, жанр, жанровый потенциал

Abstract: This article examines the genre-strophic potential of G.V. Golohvastov's septets – an emigrant poet, who went to New York due to historical cataclysms in the beginning of XX century. His creative art gives live to researches of formal and substantive septet aspects, possible deviations and poetic experiments, intended to vary the canon and to challenge it. The genesis and a genre form development are visible in this article: from single poetic experiments to genre-strophic unity (twin kernel, suite, septet sequence).

Key words: G.V. Golohvastov, russian «americans», first emigration wave, septet, suite, septet sequence, strofika, genre, genre potential

Литературная жизнь русской Америки первой трети XX в. – одна из самых интересных, загадочных и, вместе с тем, неисследованных тем в истории русского рассеяния. Поэты, в силу революционных катаклизмов 1917 г. оказавшиеся в США, сумели создать там не просто самобытную и плодотворную поэтическую школу, но настоящий славянский микромир за океаном, остров русской культуры, органично существовавший в отрыве от метрополии. К сожалению, на сегодняшний день мы не имеем ни одного крупного монографического исследования, посвященного творчеству Голохвастова или кому-либо из его менее знаменитых товарищей.

Датой начала литературной жизни русской эмиграции первой волны в США следует считать 1925 г. – год выхода поэтического сборника с ностальгическим

названием «Из Америки», в который вошли произведения четырех поэтов: Г.В. Голохвастова, Е.А. Христиани, Д.А. Магулы и В.С. Ильяшенко. При различии творческих индивидуальностей авторов (людей разного возраста, социального статуса, жизненного опыта) в их творчестве можно найти немало общих черт, без которых поэтический сборник распался бы на ряд разрозненных стихотворений, напечатанных под одной обложкой. Основной среди них А.И. Назаров (автор предисловия к сборнику) был склонен считать «несовременность и приверженность к традициям, в которых не исчерпаны и неисчерпаемы возможности неповторяемого творчества»¹. Мы добавим, что с этой «несовременностью» органично сосуществовали аполитичность и тотальное умолчание о «злободневных» темах, религиозно-мистическая образность, характерная для русского символизма, и стойкий интерес к твердым стихотворным формам: сонетам, триолетам, терцинам, вилланелам, испанским децимам и проч.

Уже в первом поэтическом сборнике группы ярко проявляется их увлечение полусонетами – особой, характерной и регулярной, вероятно, только в творчестве русских «американцев», стихотворной формой. Так, по утверждению М.Л. Гаспарова в мировой поэзии «строфа из семи стихов канонической формы не получила. В 15–16 вв. во франц. поэзии чаще всего употреблялись строфы с рифмовкой ААВСВСВ и ААВСВВС, в английской – чосерова строфа АВАВВСС. Семистишные строфы, возникавшие в практике более поздних поэтов (“Коринфская невеста” И.В. Гёте, “Бородино” М.Ю. Лермонтова), обычно септетами не называются»². О.И. Федотов также замечает: «Во второй половине XIX века оригинальные стихотворения, написанные семистишиями, практически не встречаются»³, – но находит их в творчестве склонных к строфическим экспериментам символистов (особенно часто – у Федора Сологуба). Впрочем, это именно эксперименты, имеющие статус стихотворной игры, а не твердой жанрово-строфической формы. Полусонет же в своем каноническом виде, вероятно, и рождение, и смерть обрел именно в творчестве русских «американцев».

Создателем новой стихотворной формы считается В.С. Ильяшенко, но полнее всего жанрово-строфический потенциал полусонета был реализован в творчестве Г.В. Голохвастова. Уже первая стихотворная подборка, опубликованная им в сборнике «Из Америки» (1925), на 46% (27 из 59) состояла из полусонетов. Для сравнения: Е.А. Христиани использовала эту форму единожды (всего 33 стихотворения), Д.А. Магула – четыре раза (42), а ее создатель – В.С. Ильяшенко – восемь раз, объединив стихотворения в венок полусонетов (43).

Какой же была стихотворная форма, пленившая одного из ярчайших поэтов русской Америки? Полусонет представлял собой твердое жанрово-строфическое единство, ориентированное на традиции и синергетический потенциал генетически родственного ему сонета. Архитектоническая структура классического сонета была сокращена ровно вдвое, что и дало основание для номинации нового стихотворного квазижанра – «полу»-сонет. С точки зрения графического членения он представляет собой сочетание двух субстроф: катрена с охватной рифмовкой и «итальянского» терцета. Архитектонический раздел традиционно совпадал с син-

¹ Назаров А.И. Вступительная статья // Христиани Е.А., Голохвастов Г.В., Магула Д.А., Ильяшенко В.С. Из Америки. Нью-Йорк, 1925. С. 12.

² Гаспаров М.Л. Септима // Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. Т. 6. М., 1962. С. 770.

³ Федотов О.И. От средневековой септимы к полусонету (интертекстуальные метаморфозы). Ставрополь, 2013. С. 186.

таксическим, но строфы не отделялись друг от друга окончательно. Их связывало не только единство развиваемой в стихотворении темы, но и сквозная рифма, присутствующая как в катрене, так и в терцете (АВВА САС). Среди всех возможных моделей рифменных сочетаний полусонета регулярным в творчестве «американцев» стал один – AbbA cAc. В подборке Голохвастова он встречается 20 раз (более 70% случаев!). Для сравнения приведем процентные соотношения других моделей, использованных автором в сборнике «Из Америки»: aBbA CaC (11,1%), AbbA bAb (11,1%), aBa BccB (3,7%), aBbA BaB (3,7%). Из приведенной статистики видно, что именно модель AbbA cAc считалась Голохвастовым оптимальной для полусонета. Среди остальных типов более частыми оказались формы, близкие к инварианту (aBbA CaC была полным его «негативом», а AbbA bAb – вариантом, сохранившим последовательность мужских и женских клаузул, но сократившим количество рифм до двух). Прочие варианты использовались единожды и должны считаться только экспериментом, попыткой проверить потенциал стихотворной формы. Также редки и отступления от стихотворного размера – русскими «американцами» полусонеты писались классическим четырехстопным ямбом. У Голохвастова этот размер используется в абсолютном большинстве полусонетов – 92%.

Строгая упорядоченность стихотворения на формальном уровне провоцировала лаконизм и лапидарность его содержания. Краткость бросала поэту вызов: в семи строках полусонета зачастую необходимо было раскрыть сложную онтологическую проблематику:

Зная

Полусонет

Судьба – безжалостный погонщик...

Но с верой в прежнюю мечту,

Пою я жизни красоту,

Изнемогающий поденщик.

Так из последних сил вперед

Святыню древнюю знаменщик

Смертельно раненный несет.

Стихотворение представляет собой один из эталонных образцов жанра, в котором отразились, пожалуй, все его формальные и содержательные критерии. Подчеркнем, что в своей лирике Голохвастов сторонился «злободневных» общественно-политических тем. Стихотворение «Зная» – единственное, в котором так или иначе нашла свое отражение тема изгнанничества. Но и здесь она не замыкается на частном биографическом эпизоде, а значительно расширяется, превращаясь в неразрешенный вопрос об экзистенции творчества.

Полусонет имеет четкую композицию, воплотившую традиционную «диалектическую триаду» – тезис – антитезис – синтез. Тема фаталистического предопределения и покорности судьбе задается уже в первом стихе («Судьба – безжалостный погонщик...») благодаря его афористичности и не в последнюю очередь – особенностям синтаксиса и авторской пунктуации. Сказуемое, выраженное не глаголом, а существительным, убирает из стиха действие; тире и многоточие подразумевают глубокие паузы, замедляющие поэтический ритм, и помогают передать интонацию возвышенной трагической скорби. Утверждение первого стиха решительно не опровергается, но несколько пересматривается далее: второй стих начинается с противительного союза «но», темп поэтической речи возрастает благодаря отсутствию ярко выраженных пауз, обусловленных особенностями

пунктуации, а содержание приобретает более мажорный характер – несмотря на довлеющую над ним волю рока, лирический герой («изнемогающий поденщик») не потерял жажду жизни и жажду творчества. Завершающий полусонет терцет объединяет положения тезиса и антитезиса в форме более чем живописной метафоры: лирический герой – творец – продолжает воспевать жизнь, несмотря на ее тяготы и удары судьбы, словно обреченный на смерть знаменщик, потерявший все, но упорно продолжающий нести свою святыню. Попытки героя воспеть жизнь красивы, но тщетны: по воле рока они превращаются в пустую суету и томление духа. Так на пространстве семи поэтических строк Голохвастов сумел воссоздать яркий драматический конфликт между роком и творцом, не оставляющим своего искусства, но осознающим его тщетность.

При всей своей строгости, полусонет не замыкался на инварианте. Жанрово-строфическая форма развивалась, и по мере этого развития появлялись различные эксперименты, призванные разнообразить канон и проверить его на «прочность». По справедливому замечанию О.И. Федотова: «Пока полусонеты были волнующей новостью, самые первые из них обнаруживали, казалось бы, нерушимую ассоциативную связь со своей тематикой, стилистикой и эмоциональной аурой. <...> Но стоило Голохвастову умножить число своих обращений к полусонетам, тематика их беспредельно расширилась...»¹. Поэт пробует облекать в строгую форму полусонета не только глобальные онтологические проблемы, но и частные жизненные эпизоды, полные романтических переживаний или других, не менее глубоких, но исключительно личных впечатлений:

Забуть ли тайный след тропинки
В лесу, к заглохшему пруду,
Вдали от звезд – твой взор-звезду,
Таивший чистых слез росинки,
Признание, шепот как в бреду,
И мимолетные заминки
Для поцелуев на ходу?

Интересна практически полная его «безглагольность», отсылающая, вероятно, к особенно почитаемому «американцами» Фету. Один-единственный глагол (*забыть ли*) начинается стихотворение и сразу задает тему. Следующие за ним существительные призваны это «незабываемое» объективировать, каталогизировать и воссоздать полную картину произошедшего эпизода, задействовав при этом практически все основные органы человеческих чувств: зрение («Забуть ли тайный след тропинки», «твой взор-звезду»), слух («Признание, шепот как в бреду»), осязание («поцелуй на ходу») и запах – правда, лишь имплицитно («В лесу»). Этой же задаче подчинена и синтаксическая организация полусонета: он построен в форме развернутого риторического вопроса. Голохвастов отказывается от синтаксического разделения субстроф, благодаря чему мысль развивается плавно и постепенно, наступает «вспоминание» разрозненных деталей-кадров. Отступления от канона не ограничиваются тематическим, лексическим, морфологическим и синтаксическим уровнями. Меняется даже традиционная для полусонета система рифмовки: *AbbA bAb*. Голохвастов исключает из терцета каноническую третью рифму, благодаря чему субстрофы соединяются транслирующимися рифмами по принципу терцин. Все эти факторы обеспечивают линейность, непрерывность и

¹ Федотов О.И. От средневековой септимы к полусонету (интертекстуальные метаморфозы). Ставрополь, 2013. С. 262.

последовательность развития темы, постепенный переход от общего к частному, от разрозненности героев к их близости.

Лапидарность как один из основных жанровых признаков полусонета проявила себя не только на уровне формы и содержания, но и в плане его исторического развития. Септеты Голохвастова за несколько десятилетий сумели повторить эволюционный путь, растянувшийся для сонетов на несколько веков. Перестав быть мертвым застывшим каноном, полусонеты превратились в саморазвивающуюся и самоорганизующуюся систему с подвижными границами, открытую для развития и взаимодействия. Функционировавшие сперва исключительно как отдельные стихотворения, полусонеты развивались и усложнялись, превращаясь в строфы более масштабных поэтических опытов: двойчаток, венков, сюит и т. д.

В следующих после сборника «Из Америки» поэтических книгах Голохвастова полусонет неоднократно становился основой для построения жанрово-строфических единств. В поэтическом арсенале поэта есть венок полусонетов («Вечность»), состоящий из магистрала и семи полусонетов. Как и в более традиционных венках сонетов, магистрал дублирует первые строки всех остальных стихотворений. Здесь Голохвастов не выступает новатором – первым произведением, в котором полусонет русских «американцев» заявил о себе был «Венок полусонетов» Ильяшенко. А вот сюит – лирических зарисовок на единую тему, в которых пронумерованные полусонеты выступают в роли субстроф, а не самостоятельных поэтических единиц, – до Голохвастова создано не было. Им написан ряд сюит, среди которых «Возраст» (10 семистиший), «Чрез даль веков» (23 семистишия), «Атма» (10 семистиший) и др. К сожалению, мы не имеем документальных свидетельств или другого материала для метапоэтического анализа, в котором обосновывалась бы точная причина такой номинации жанра, но можем предположить, что определение призвано подчеркнуть единство искусств: музыкального и поэтического. Традиционно сюита – это циклическая форма в инструментальной музыке, состоящая из контрастирующих между собой частей, объединенных общим замыслом.

Увлечение Голохвастова полусонетами не ослабевало на протяжении всей его поэтической судьбы. В 1931 г. он издал книгу «Полусонетов», включающую более 300 септетов, а на нападки критиков, последовавших в ответ на такую преданность жанру, ответил изящным и злым «Полуоправданием» – стихотворением, состоящим без малого из 100 строк, где большинство слов начинались приставкой *полу-*:

Решив, что «полу» вздор, что правы вы в оценке,
И что исход один: хороший полувзвод –
Без жалости Полубояриновых к стенке
И Полуктовых без милости в расход.

Чем же был обусловлен интерес Голохвастова к стихотворной форме, заключившей его дар в такие жесткие рамки? Небольшой объем полусонета не просто позволял продемонстрировать незаурядное мастерство владения стихом, но способствовал выражению поэтической мысли в наиболее концентрированной и лаконичной форме, избавлявшей ее от лишних лирических отступлений, отклонений и неточностей. Круг тем, реализуемых автором в форме полусонета, как правило, нарочито традиционен: это жизнь и судьба, вера в мечту и обреченное принятие еклесиастовой «суеты сует», метафизика внешнего и внутреннего мира и, конечно, любовь – возвышенная и земная, счастливая и несчастная, вечная и конечная.

ЛИТЕРАТУРА

Гаспаров М.Л. Септима // Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. Т. 6. М., 1962. С. 770.

Голохвастов Г.В. Четыре стихотворения. Нью-Йорк, 1944. 29 с.

Назаров А.И. Вступительная статья // Христиани Е.А., Голохвастов Г.В., Магула Д.А., Ильяшенко В.С. Из Америки. Нью-Йорк, 1925. С. 9–16.

Федотов О.И. От средневековой септимы к полусонету (интертекстуальные метаморфозы) // Останкович А.В., Сугай Л.А., Федотов О.И., Шпак Е.В. Традиционные строфические формы и их жанрово-строфические единства в русской поэзии. Ставрополь, 2013. С. 167–262.

Христиани Е.А., Голохвастов Г.В., Магула Д.А., Ильяшенко В.С. Из Америки. Нью-Йорк, 1925. 263 с.

REFERENCES

Gasparov M. Septima. In: Short Literary Encyclopedia: In 9 v. Vol. 6. Moscow. 1962, p. 770.

Golokhvastov G. (1944) Four Poems. New-York. 29 p.

Nazarov A.I. Proclusion. In: Christiani E.A., Golohvastov G.V., Magula D.A., Ilyashenko V.S. From America. New Yourk, 1925, p. 9–16.

Fedotov O.I. From Medieval Septime to Septet (intertextual metamorphosis). In: Ostan-kovich A. V., Sygai L. A., Fedotov O. I., Shpak E. V. Traditional Strophic Forms and Its' Genre-strophic Unity in Russian Poetry. Stavropol. 2013, p. 167–262.

Christiani E.A., Golohvastov G.V., Magula D.A., Ilyashenko V.S. From America. New Yourk. 1925. 263 p.

Сведения об авторе:

Елена Николаевна Пономаренко,
магистрант
кафедра отечественной и мировой литературы
Гуманитарный институт
Северо-Кавказский федеральный университет

Elena N. Ponomarenko,
Graduate Student
Major National and World Literature
Humanities Institute
North-Caucasian Federal University
ln-pn@yandex.ru